

« Из почты «Сына Отечества»

ЗА СЕБЯ И ЗА ДРУГА

(Из фронтового блокнота)

(Окопчанье. Нач. № 9, 10)

Со слезами на глазах стояли у могилы женщины. А сгорбившийся, поседевший мужчина, так и не одев шапку, шел к своему дому.

Это был коренной житель села Илларион Иванович Назаренко. Сев за стол при свете копилки, он заставил дочь писать находящимся в Красной Армии сыновьям Алексею, Севастьяну, Трофиму, Ивану, Дмитрию, Василию и зятю Павлу Андреевичу Башигу письмо:

«Любимые дети мои!

Сегодня славные войска Красной Армии освободили наше село от фашистских варваров. Село, в котором вы родились, учились, трудились, растили своих детишек, — уже не знает того гнета, который переносило в продолжение 8 месяцев гитлеровской оккупации.

Я знаю, что когда получите это письмо, на глазах у вас будут слезы. Ничего, дети мои, это не слезы уныния, а слезы радости, что ваши родные избавились от рабства и угнетения.

Я, а также ваша мать, жены и детишки живы, но мы все просим вас гнать врага скорей на Запад, чтобы не было возврата тем черным дням, которые мы пережили. В нашем селе оккупанты сожгли 480 домов и все наши общественные здания.

Изверги - гитлеровцы увезли с собой всю живность и зерно, находящееся в колхозных амбарах в личном пользовании. Бандиты расстреляли ваших соседей Григорьянко Архипа Ильича за то, что он тушил горящую хату, Бидыло Якова — за то, что он был активистом в сельском Совете, Кучмиева Григория — за то, что он уклонялся от увоза в немецкое рабство. Меня, вашего отца, фашистские сволочи два дня держали в подвале и секли плетью. За тяжкий подневольный труд на наших полях оккупанты давали только по 300 граммов зерна в день. Это после счастливой предвоенной жизни в колхозе. Стонало наше село от непосильных налогов и по-

ставок. За каждую корову нужно было платить налоги — 400 рублей и 500 литров молока.

При своем бегстве захватчи-

ки хотели увести в рабство все трудоспособное население, но им это не удалось.

Дети мои! Гоните гитлеровцев, и уничтожайте гадину. А в бою представьте себе, как они секли вашего отца, как спалили 480 домов, оставили 2 тысячи человек без жилья, еды и одежды. Мстите за сирот Бидыло Якова, Кучмиева Григория».

Это письмо было опубликовано в нашей дивизионной газете «За честь Родины» 19 февраля 1943 года (центральный архив Министерства Обороны, фонд 1247, опись 1, дело 169, лист 142). Политотдел дивизии организовал проведение бесед в подразделениях о зверствах фашистов на оккупированной советской территории и в Большой Кирсановке. Воины дивизии, своими глазами видевшие последствия зверств фашистов, а также услышав рассказы жителей, стремились побыстрее вступить в новый бой с врагом.

Д. ШАБАЛОВ,
ветеран дивизии,
подполковник в отставке.

Редактор Г. К. ПУЖАЕВ.

● Из почты «Сына Отечества»

ЗА СЕБЯ И ЗА ДРУГА

(Из фронтового блокнота)

— В гражданскую войну мне приходилось в этих местах бить беляков. Рассказывали, что самый высокий курган насыпали казаки шапками, возвращаясь после Отечественной войны из Франции, в честь своего храброго войскового атамана Матвея Ивановича Платова. А потом его именем назвали и примусскую слободу. — поведал своим друзьям бывалый солдат Григорий Иванович Казанкин.

Полыхали на ночном горизонте огни фашистских факельщиков. Клубящиеся облака дыма розовыми сполохами напугивали: «Спешите!», «Спешите!». Следующий с головным батальоном командир 1049 полка подполковник И. Ф. Рения, взглянув вперед, промолвил замполиту майору А. Т. Панфилову:

— Да это же они поджигают Большую Кирсановку! Нужно ускорить движение. Вери рогу автоматчиков, разведчиков, выдвигайся и наноси удар по селу с юга. Прихвати отарею старшего лейтенанта Г. И. Лошкарева и приданный саперный взвод дивизии. А я с батальоном Литовченко ударю с северо-востока и по центру. Спешите, не дайте сжечь село, уничтожить невинных людей. За ними, ускорив темп, на село двигалась рота автоматчиков. Впереди мчались три тройки, запряженные в повозки. Их дото добыл лихой командир саперного взвода младший лейтенант Павел Николенко. На повозках лежали ящики с противотанковыми минами, сидели саперы взвода.

— Мы во взводе все коммунисты и комсомольцы, — говорил Николенко. — Значит,

взвод всегда должен быть впереди. Вот для этого я и посадил вас на повозки. Неугомонному командиру подражали и подчиненные. В разведке под Сталинградом и на Дону, здесь при преследовании врага, они стремились быть похожими в бою на взводного. Вместе с автоматчиками полка, саперы в числе первых завязали бой за село.

— К бою! — слышалась команда Николенко, когда раздалась первая вражеская очередь.

— За мной! — призывал, прыгая на ходу с первой тачанки, помощник командира взвода сержант Малых. Вот, принимая влево, за ним разворачивается в цепь первое отделение, справа — второе. Здоровый, плечистый тридцатилетний коммунист Николенко, всегда в бою был с ручным пулеметом. «Пистолет. — показывая на кобуру, — это детский «пугач»

— а вот из «детяря» можно врагу устроить «сабантуй». Глядя на командира, не расставался с ручным пулеметом и его помощник — уроженец села Большая Речка Троицкого района Алтайского края Иван Елисеевич Малых. Двадцатилетним, оставив профессию сельского учителя, в дни войны пришел в Черниговское военное инженерное училище. Рядовым сапером, как и его друзья, прибыл в Сталинград. В канун 25-летия Октября 5 ноября 1942 года под грохот боя, он писал: «Прошу принять меня

против фашистских варваров. Он в числе первых в батальоне, вместе с Николенко, получил боевую награду у стен Сталинграда. Саперы заходили то фланг врагу со стороны Миуса.

— Вперед, в атаку, за партию! — поднял Малых саперов и повел в атаку на высоту, с которой велся огонь противника. Расчет командира орудия москвича сержанта Пантелеева разбил пулемет и уничтожил пять фашистов. Метко бил по врагу и расчет орудия Г. И. Сеиченко.

Отделение автоматчиков коммуниста сержанта Каримова, продвигаясь к центру села, уничтожило 10 фашистов — факельщиков. Среди воинов батальона Литовченко, как олучшем в этом бою, говорили об отделении сержанта И. М. Чиркова, которое уничтожило много поджигателей и спасло от пожара несколько домов.

К концу дня 17 февраля Большая Кирсановка была освобождена от оккупантов. А вскоре действующая южнее 33-й стрелковая дивизия нашей армии при взаимодействии с другими частями освободила поселок Матвеев Курган.

К вырытой на площади Большой Кирсановки могиле несли воинов, погибших в бою за освобождение села.

А дивизионная радистка комсомолка Дарья Банченко из двора обосновавшегося здесь штаба дивизии уже передавала в армию: «Сосна!», «Сосна!», «Я «Фиалка», я «Фиалка!» Сегодня Большая Кирсановка дивизией освобождена. Как поняли меня «Сосна?»»

— Да правильно они поняли тебя, дорогая «Фиалка», — отвечал рядом стоящий помощник начальника связи лейтенант Геннадий Носков.

(Окончание следует).

Редактор Г. К. ПУЖАЕВ.

● Из почты «Сына Отечества» ЗА СЕБЯ И ЗА ДРУГА

(Из фронтового блокнота)

Не успел солдат вложить ложку за голенище сапога после завтрака, как в предутренней февральской мгле послышались команды: «Рота, становись!», а затем — «Вперед, шагом марш!».

— Опять вперед, уже третьи сутки не дают заснуть. — слышался голос какого-то ворчуна из головной роты.

— Ох, Петро, любишь поныть, как тот шестиствольный фашистский «скрипун». Тебе пожрать, да поспать, а кто же Украину будет освобождать? Ведь она рядом! — говорил друг пулеметчика Показило.

— А ты, Никита, — серый человек, нет у тебя понятия: от чего казак гладок — поел и набок. От этого и казацкому роду нет переводу.

— Устарела твоя песня, Петро. Сейчас не до гладкого — ребра были б целы. А спяг будешь, сонюля, после победы, да и то не больше других — много будет работы.

— Прекратить разговоры! Ротные, к командиру батальона! — по двигающейся колонне от взвода к взводу поплыла команда.

После освобождения Большерепинской 1053 стрелковый полк двинулся вперед. Командир полка майор И. В. Шепелев два часа назад получил приказ командира 300-й стрелковой дивизии К. Я. Тымчика: — Полку в авангарде дивизии наступать в направлении Греково - Ульяновка, Каргино-Анинский, Русско - Сидоровский, Решетовский и к исходу 16 февраля выйти на рубеж: высота 94,3 — Новосельный. Впереди — разведчики во гла-

ве с командиром взвода старшиной Д. А. Быбиным и полковая рота автоматчиков, за ними — стрелковый батальон: вот почти и вся «царица полей» полка.

— Поредели наши ряды, но «мал золотник, да дорог», говорят на Руси с давних времен, — напомнил идущим заменивший раненого командира взвода старший сержант Кузьма Юдин.

— Не унывайте! Бить не числом, а умением, — учил еще великий полководец Суворов. А умению вы научились под Сталинградом, — подтвердил командир роты лейтенант В. С. Бяков, мастер с обогатительной фабрики из уральского города Асбест. — Одним словом, бить врага за себя и за друзей, которые остались в земле под Сталинградом и в донских степях — вот такая арифметика, братцы.

С востока свет теснил тьму. На рассвете, достигнув перекрестка дорог в двух километрах северо-восточнее хутора Манухин, полк был встречен артиллерийским и минометным огнем. Потом засвиистели пули крупнокалиберных пулеметов.

— К бою! В цепи! — Подаль команду Бяков и повел роту в обход хутора с северо-востока.

— Одну роту направил в обход Почтового Яра с юга по балке Кривой, а двумя ротами — атакую из района фруктового сада на восточную окраину, докладывал комбат Борисов командиру полка.

Под прикрытием огня орудий второго дивизиона старшего лейтенанта С. Г. Каплуна роты с боем продвигались впе-

ред.

— Поддуть танки поближе! — командует расчетам противотанковых ружей астраханец лейтенант Л. А. Ордиян. Один легкий танк с нескольких выстрелов пэтээровцев задымил, второй подбили артиллеристы Каплуна, а остальные, зажатые заградителем артиллерии, вместе с атакующей пехотой стали пятиться назад.

Шел тяжелый бой. Во второй половине дня командир полка ввел в бой первый батальон В. А. Меленчука. Его роты стремительно атаквали и сломили сопротивление врага. В 18 часов 16 февраля противник был выбит, но отходя, продолжал оказывать сопротивление соединениям нашей второй гвардейской армии. Выступивший с утра 17 февраля в авангарде дивизии 1051 полк И. П. Ермолова был остановлен сильным организованным огнем противника с рубежа высоты 108,7 — 89,0 — хутор Ново - Кирсановский. Это был подготовленный узел сопротивления противника. За него шел бой несколько часов.

Выйдя во фланг опорному пункту, прикрываясь разрывами снарядов батареи ставропольца Василия Северина, стрелки и пулеметчики батальона старшего лейтенанта Николая Сытника пошли на последний штурм врага на высоте 89,0. А соседний 1049 полк обходил высоту 108,7. Боясь окружения, остатки противника начали поспешный отход. В то же время, 1053 полк овладел хутором Ново - Марьевка и готовился к движению вперед. В 18 часов эхо боя покатилось на запад. Войска, преследуя врага, шли вперед. Юго-западнее, на горизонте на фоне предзакатного сияния солнца вырисовывались кругловерные седые курганы. Лишь кое-где клочками на них сохранился снег. Остальной уже растопило предвесеннее солнце. Потекла вода в ручейки, в реки, в Миус.

(Продолжение следует).